

И.А. Айзикова

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
В КНИЖНОЙ КОЛЛЕКЦИИ Г.К. ТЮМЕНЦЕВА
(статья первая)¹**

Статья открывает цикл публикаций, посвященных разделу художественной литературы из личной библиотеки томского bibliофила Г.К. Тюменцева. Анализ показал, что у Тюменцева, безусловно, было не случайное собрание изданий художественной литературы, оно подбиралось в соответствии с определенными принципами и личными пристрастиями. Рассмотренную в первой статье группу составляют издания зарубежных писателей начиная с античных и кончая современными владельцу библиотеки (на русском и иностранных языках). Кроме истории литературы, они отражают историю русского художественного перевода и рецепции западной литературы в Сибири второй половины XIX – начала XX в.

Ключевые слова: сибирский библиофил, личная библиотека, Г.К. Тюменцев, художественная литература.

Гавриил Константинович Тюменцев, известный томский краевед, педагог, типичный представитель сибирской интеллигенции конца XIX – начала XX в.², вошел в историю Сибири, Томска, Томского университета и как книголюб и библиофил³, собравший большую книжную коллекцию и передавший ее в конце 1910-х – середине 1920-х гг. в Научную библиотеку Томского университета. Личная библиотека Г.К. Тюменцева уже не раз рассматривалась книговедами как книжный памятник в истории сибирской культуры [2], как основа для изучения личностного и духовного становления сибирского интеллигента второй половины XIX – начала XX в. [3, 4], как отражение регионального книжного дела [5, 6]. Изучались отдельные части коллекции, например, литографированные работы П.М. Кошарова [7], книги по сибиреведению [8], томские [9],

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ (региональный №16-14-70001.

² См. о нем: [1].

³ Мы придерживаемся мнения П.Н. Беркова о том, что «библиофил» к понятию «книголюб» добавляет пафос собирательства.

красноярские издания [10], издания П.И. Макушина [11], учебная литература [12]. Давая общую характеристику библиотеки или рассматривая ее в отдельных аспектах, исследователи неоднократно подмечивали, что она является ярким отражением читательских интересов томской интеллигенции, характерным представителем которой, безусловно, является Г.К. Тюменцев, отличавшийся в своей жизнедеятельности духовной активностью, посвятивший себя образованию и самообразованию, просвещению и саморазвитию. Окончивший сначала Тобольскую гимназию (1861 г.), а потом физико-математический факультет Казанского университета (1866 г.), Тюменцев прослужил два года в главном управлении Западной Сибири в Омске (1866–1868 гг.), учительствовал в красноярской классической гимназии (преподавал математику и естественную историю в 1868–1870 гг.), в мужской и женской томских гимназиях (с 1870 г.), заведывая одновременно гимназической библиотекой (по 1874 г.). С 1877 по 1907 г. являлся директором томского Алексеевского реального училища, в котором его усилиями также была создана хорошая библиотека. С первых лет своего обучения в Казанском университете (т.е. с 1850-х гг.) Тюменцев начал собирать книги для личной библиотеки. Обеспокоенный революционными событиями, он передает свое книжное собрание, двумя партиями, в 1918 и 1925 гг., в Научную библиотеку Томского университета, подтверждая мысль о том, что библиофильство по сути своей явление общественное [13].

Определяя тип личного книжного собрания Тюменцева, следует отметить, что оно сочетает в себе признаки рабочей, специальной, универсальной и библиофильской библиотеки. С одной стороны, библиотека Тюменцева отвечает профессиональным интересам ее владельца: педагогическим, естественно-научным. Она отражает его занятия метеорологией, краеведением, участие в старейших научных обществах России – Императорском Русском географическом обществе, Императорском Вольном экономическом обществе, а также в томских общественных организациях: в Обществе естествоиспытателей и врачей, Обществе попечения о начальном образовании, Обществе содействия физическому развитию и т.д. С другой стороны, исследователи справедливо определяют библиотеку Тюменцева как библиофильскую, поскольку она

«содержит книжные редкости» и отличается особыми «способами комплектования» [14. С. 266].

Г.К. Тюменцев сочетал в себе читателя, книговеда и вдумчивого собирателя библиотеки, которая отличается у него хорошим подбором книг, характеризующим его личность. Таких собирателей П.Н. Берков, автор нескольких книг по истории русского библиофильства, называл «просвещенными библиофилами». Рассуждая о них, он писал: «...собрание хорошей, ценной библиотеки – это большой человеческий труд», в котором отражаются «умственные или художественные интересы... собирателя, его “лицо” как библиофила» [15]. В связи с этим представляется необходимым рассматривать в нашей статье проблемы литературы, книгоиздания, чтения и библиофильства как системно взаимосвязанные.

* * *

Общепризнанным тематическим ядром библиотеки Тюменцева являются книги о Сибири. По видовой типологии большая часть книг относится к научным, научно-популярным, учебным, справочным, нормативным, ведомственным, общественно-политическим изданиям¹. Однако, будучи истинным интеллигентом, Тюменцев никогда не замыкался в своей профессии, жертвуя ей культурными общечеловеческими ценностями, о чем как об обязательной характеристике русского интеллигента писал Д.С. Лихачев в статье «О русской интеллигенции»: «Я очень ценю профессионалов и профессионализм, но это не всегда совпадает с тем, что я называю интеллигентами и интеллигентностью. Я бы сказал еще и так: интеллигентность в России – это прежде всего независимость мысли при европейском образовании» [16]. Библиотека Тюменцева демонстрирует именно эти свойства ее владельца – независимость мысли, широту кругозора и духовных интересов, глубину познаний. Особенно ярко это отражают издания художественной литературы, собиравшиеся математиком, метеорологом, краеведом Г.К. Тюменцевым на протяжении всей жизни. На первый взгляд их в библиотеке не так много по

¹ См. об этом подробнее: [14. С. 266–268].

сравнению с другими видами, тем более собрание литературно-художественных изданий Тюменцева видится как глубоко продуманное, с хорошим составом книг и авторов. В нем есть своя логика собирательства, которая прежде всего демонстрирует любовь владельца к изданиям художественной литературы как к явлениям культуры той или иной эпохи, к тем мыслям и чувствам, которые переданы в них содержанием и формой сочинения и книги, на страницах которой это сочинение опубликовано.

Скорее всего, издания художественной литературы для своей библиотеки Тюменцев приобретал не как редкие, а как ценные, играющие, с его точки зрения, важную художественно-литературную роль в развитии западной и русской литературы и в его личном самообразовании и саморазвитии. Вероятно, собирались сочинения и книги, интересные, нравящиеся, представляющиеся хорошими именно их владельцу. Между тем в коллекции Тюменцева оказались собранными *уникальные художественно-литературные издания XIX в.*, которые сегодня можно признать и редкими, и ценными; и *уникальный состав литературных сочинений*, характеризующий представление Г.К. Тюменцева и в его лице (при всей субъективности личных предпочтений) – сибирской, томской интеллигенции об истории мировой литературы, ее функциях, путях развития, вершинах и самых ярких явлениях¹.

Наиболее ранним по времени публикации в библиотеке Тюменцева является издание древнейшего из сохранившихся памятников античной литературы – «Илиады» Гомера в переводе Н.И. Гнедича, выполненном в 1829 г. (часть вторая). Книга выпущена в Санкт-Петербурге в 1861 г. издателем и книгопродавцем И.Т. Лисенковым (в типографии С. Седикина). Опубликованный в ней перевод был дополнен «Жизнеописаниями Гомера и переводчика его Илиады на русский язык Гнедича, с их портретами». Издание иллюстрировано 24 рисунками английского художника Дж. Флаксмана по сюжетам гомеровской поэмы,

¹ О диалектике личных интересов библиофила и его понимания социальной значимости своей библиофильской деятельности см.: [13. С. 140–141].

украшено виньеткой с 7 портретами героев Илиады, выгравированными крупнейшим русским мастером Н.И. Уткиным¹.

Тюменцев владел третьим изданием перевода «Илиады» Н.И. Гнедича. Оно напечатано с экземпляра, исправленного переводчиком и хранившегося в Императорской Публичной библиотеке (ныне Российская национальная библиотека). Этот перевод, сделанный гекзаметром, в отличие от предыдущего прозаического перевода, выполненного И.И. Мартыновым (1823–1825 гг.), как известно, был высоко оценен современниками и выдержал множество (десятки) переизданий. В.Г. Белинский сам факт издания И.Т. Лисенковым «Илиады» в переводе Н.И. Гнедича назвал «благородным предприятием»: «Теперь всякий имеет возможность изучать художественнейшее создание художественнейшего народа в человечестве, чтобы узнать, что такое искусство, что такое художественная красота и изящество» [17. С. 493]. Собственно о переводе в заметке Белинского читаем следующее: «Конечно, никакой перевод не заменит подлинника, и тем более такого, как “Илиада”, где всё – изящные образы, выраженные на языке по преимуществу художественном, по преимуществу созданном для изящных образов; но если цель перевода есть дать по возможности близкое понятие о подлиннике, то Гнедич блистательно достиг этой цели, и его труд есть великий подвиг, делающий честь целой нации. В его переводе веет жизнью древности, и эта жизнь мощно охватывает дух читателя; в его образах мы видим и простодушие и пластичность, которые одни могут *навеять* живое созерцание дивного мира художественной Греции» [17. С. 494]. В «Литературной газете» (1830. № 2. 6 янв.) А.С. Пушкин писал: «Наконец вышел в свет так давно и так нетерпеливо ожидаемый перевод Илиады! Когда писатели, избалованные минутными успехами, большею частию устремились на блестящие безделки, когда талант чуждается труда, а мода пренебрегает образцами величавой древности, когда поэзия не есть благоговейное служение, но токмо легкомысленное занятие, – с

¹ В.Г. Белинский дал высокую оценку иллюстрированию книги: «Очерки Флаксмана удивительно помогают проникновению в этот мир пластической, осязаемой красоты, которая нашла себе такое полное выражение в скульптуре, – и г. Лисенков оказал великую пользу русскому просвещению, приложив их к своему изданию “Илиады”» [17. С. 494].

чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительному труду, бескорыстным вдохновениям и совершению единого, высокого подвига. Русская Илиада перед нами. Приступаем к ее изучению, дабы со временем отдать отчет нашим читателям о книге, долженствующей иметь столь важное влияние на отечественную словесность» [18].

В библиотеке Тюменцева имеется еще несколько памятников античной литературы¹. Среди них – издание трагедии «Медея» Еврипида в переводе с древнегреческого, выполненном Д.С. Мережковским в 1895 г. и опубликованном в этом же году в «Вестнике Европы». В 1902 г. отредактированный перевод поэта (наряду с его другими переводами античных трагедий) был подготовлен к изданию «Товариществом “Знание”» и отпечатан в санкт-петербургской типографии Н.Н. Клобукова. Эта книга и оказалась в коллекции Тюменцева. Она содержит многочисленные читательские подчеркивания и отчеркивания в тексте и на полях, которые, безусловно, заслуживают отдельного анализа.

Кроме того, назовем испещренную пометами владельца «Энеиду» Вергилия², которую, вслед за Вольтером многие до сих пор сравнивают с поэмами Гомера. Томский библиофил владел «Энеидой» в переводе И.Г. Шершеневича. Книга вышла в Варшаве (Типография Варшавского учебного округа) в 1868 г., хотя первая публикация этого перевода состоялась в «Современнике» в 1851–1852 гг. (т. 30–36). Это был второй по счету полный перевод «Энеиды» в России, сделанный по прошествии почти ста лет со времени первого перевода поэмы, принадлежащего В. Петрову (1781–1786). Он впервые был выполнен размером подлинника – гекзаметром.

Этот перевод также был высоко оценен современниками. «...Я должен обратить особенное внимание читателей, – писал И.И. Панаев в «Заметках Нового Поэта о русской журналистике», –

¹ О хранящемся в библиотеке Тюменцева переводе «Одиссеи» Гомера, выполненном В.А. Жуковским, см. во второй части статьи.

² Книга была внимательно прочитана, можно даже сказать, изучена Тюменцевым от начала до конца, о чем свидетельствуют множество разнообразных помет и записи на полях, что также, наряду с изданием «Медеи», требует отдельного исследования.

на превосходный, истинно поэтический и необыкновенно верный подлиннику перевод виргилиевой „Энеиды“, печатающийся в „Современнике“ (этот перевод принадлежит И.Г. Шершеневичу)» [19. 1851. Т. 30, № 12, отд. 5. С. 157]). Очень высокую оценку переводу Шершеневича дал профессор В.И. Модестов в «Лекциях по истории римской литературы» (1888 г.). Вместе с тем один из ближайших продолжателей переводческой рецепции поэмы Вергилия в России А.А. Фет, издавший свой перевод «Энеиды» в 1888 г., называл перевод Шершеневича «простым вольным пересказом содержания» (цит. по: [20]). Об этом же много раньше Фета писал в Н.А. Добролюбов в своем студенческом сочинении (в 1853/54 уч.г.), которое было посвящено построчному сравнению перевода Шершеневича с подлинником¹. Справедливости ради следует привести переводческие установки Шершеневича, изложенные им в предисловии к своему переводу: «Перевод мой не есть строго ученый труд <...>. Это не подстрочный перевод каждого стиха отдельно со всевозможным сохранением порядка слов подлинника; это и не буквальный перевод <...> Придавать слишком много значения отдельным словам, в ущерб целой мысли, жертвовать ясностью и верностью смысла ради педантической точности <...> значит, я полагаю, исказить подлинник <...>. Задача переводчика воспроизвести подлинник, но не иначе как в духе того языка, на который переводит. <...> А для того чтобы не впасть в одну из двух крайностей; то есть, чтобы не лишить рассказа необходимой серьезности или не придать ему слишком тяжелого, ученого тона, я ни разу не пользовался ни французскими, ни немецкими переводами „Энеиды“» [22]. Справедливости же ради следует напомнить, что спустя 80 лет, принимаясь за перевод «Энеиды», В.Я. Брюсов, анализируя перевод Фета и последовавший за ним перевод Н.Д. Квашнина-Самарина (1893 г.), вновь ставит вопрос об адекватности перевода поэмы Вергилия [23].

Г.К. Тюменцев был владельцем еще одного весьма популярного у читателей издания «Энеиды» – «Виргилиева Энеида, на малороссийский язык переложенная И. Котляревским» (Харьков, Университетская типография, 1842) с приложением «Словаря

¹ Это сочинение впервые было опубликовано только в советское время, см.: [21].

малороссийских слов, содержащихся в Энеиде, с русским переводом» (содержит более 1000 слов)¹. Это было первое полное (посмертное) издание «Энеиды» И.П. Котляревского, которое сегодня считается первым сочинением новой украинской литературы, написанным ее первым классиком². Сочинение в 6 частях, продолжающее многолетнюю европейскую традицию ироикоических «пересказов» поэмы Вергилия, является ее подражанием в духе бурлеска: созданное на основе легенды об Энее, перенесенной на украинскую почву, оно в шутливой оригинальной форме отражает быт, обычаи, нравы украинского народа.

Западноевропейская литература эпохи Возрождения представлена в библиотеке Тюменцева только одной книгой, но это – издание первой части «Божественной комедии» Данте Алигьери, открывающей европейский Ренессанс в литературе, «Ад». Томский библиофил владел публикацией первого в России полного перевода кантики «Ад»³. Он был сделан с итальянского языка прозой (по замечанию И.Н. Голенищева-Кутузова, с попыткой, однако, сохранить конструкции итальянских предложений [25]) и напечатан в 1842–1843 гг. в Санкт-Петербургской типографии Е. Фишера.

Автор перевода – писательница и переводчица Е.В. Кологривова, публиковавшаяся под псевдонимом Ф. Фан-Дим, которым подписан и перевод «Ада». Именно благодаря этому

¹ В тексте поэмы на с. 5 и 6 карандашом подчеркнуты несколько простонародных выражений и малороссийских слов: *хоть куды; тягу дав; Энея не любила страх; Вин швидко поробивши човны.*

² В библиотеке Тюменцева имеется еще одно издание украинского автора: шестой том Сочинений Григория Федоровича Квитки – «Драматические сочинения Грицька Основьяненка», издание Харьковского уездного земства в пользу народного училища, учрежденного на основе в память Григория Федоровича Квитки (Основьяненка) (Харьков: Типография Зильберберга, 1894). В этом томе опубликованы следующие произведения: «Святання на Гончаривци», «Щира любов», «Бой-жинка» на украинском языке в транслитерации символами русского языка, остальные произведения и биографический очерк, написанный С.Ф. Русовым, на русском языке.

³ Ранее русский читатель мог познакомиться только с «Отрывком из 3-й песни поэмы “Ад”» в переводе Авр.С. Норова, опубликованным в «Сыне отечества» за 1823 г. [24. Ч. 87, № 20. С. 183–188]. Перевод сделан терцинами, alexandрийским стихом, в духе французской традиции перевода сочинения Данте.

переводу, отличавшемуся точностью передачи содержания подлинника, его экспрессивного стиля, она вошла в историю русской литературы. На перевод откликнулись П.А. Плетнев, В.Г. Белинский, С.П. Шевырев и др. В частности, Белинский отметил близость перевода к подлиннику и верное решение Кологривовой переводить «Ад» Данте прозой, поскольку перевести великого поэта стихами сможет только поэт, равняющийся с ним талантом¹. Шевырев, опубликовавший перед этим свой стихотворный перевод двух песен «Ада», в рецензии на перевод Кологривовой, напротив, сосредоточился на подробном анализе допущенных в нем ошибок [27], в связи с чем исследователь творчества Данте и его рецепции в России А.А. Асоян в своей монографии пишет: «Видимо, несмотря на объективность отдельных замечаний Шевырѳва, его общая оценка труда Кологривовой оказалась несколько пристрастной и слишком строгой», расходясь с положительной оценкой многих современников переводчицы и современных ученых [28].

Издание открывается Введением, написанным чиновником Министерства государственных имуществ Д.Н. Струковым, которое А.А. Асоян называет «одной из основательных работ, обобщивших материалы новейших дантоведческих исследований» «после диссертации С.П. Шевырѳва “Дант и его век” (1833–1834), заслужившей признание не только отечественной профессуры, но и зарубежных специалистов» [28]. Введение представляет читателю книги анализ «Божественной комедии», жанр которой определяется здесь как христианская эпопея. Проблематику поэмы Струков сводит к идее борьбы земного и небесного (духовного). Сравнивая произведение Данте с «Энеидой» Вергилия, жанровые традиции которой возродились, спустя многие годы, именно в «Божественной комедии», Струков очень точно пишет о принципиальном отличии ренессансного сочинения Данте от античной поэмы Вергилия. Он видит его в том, что в поэме Данте, впервые в истории литературы, главным героем становится сам автор, в ней настойчиво звучит его

¹ См. рецензию В.Г. Белинского «”Божественная комедия” Данте Алигиери. “Ад”. Перев. с итал. Ф. Фан-Дима <Е.В. Кологривовой> (1843) [26. Т. 6. С. 665].

голос, его авторская позиция, позволяющая соотносить личное и всеобщее¹.

Во Введении находим читательские пометы Тюменцева, сделанные карандашом. Галочкой (или птичкой – v), которой, как правило, обозначают согласие или повышенное внимание, отмечены два абзаца на с. IX и XI, содержащих весьма своеобразную струковскую интерпретацию описания устройства Ада, Чистилища и Рая в «Комедии» Данте и эволюции, которую претерпевает многогранный образ героя, продвигающегося по этим пространствам и выражающего таким образом авторскую позицию:

С. IX. Данте дает полный анализ напластования земли и свойства земель и камней, постепенно углубляясь во внутренность земного шара, он говорит о воде, песке, железе, граните, о минеральных горячих источниках, а газах, о подземных пустотах, об огне и наконец о вечном льде, заключенном в центре земли. В чистилище, постепенно отделяясь от земли и восходя в область света, Данте постепенно сбрасывает с себя бремя земных грехов и помыслов и возносит самую науку естествознания к высоте философии, стремится по пути Откровения к единому Началу, всё сотворившему. В чистилище ботаника и физиология занимают более места; в Рае все эти науки уступают место астрономии, метафизике и богословию.

С. XI. Являясь в этих картинах поэтом и философом, Данте в них же является и великим политиком: он живописует человека не с одной его материальной и нравственной стороны, но и как человека великой народной семьи. Свидетель кровавых зол, раздиравших Италию, и участник в них по силе обстоятельств, он думал ужасную монархию, изобразив ее в своем аде и пленив умы прелестью общественного благоденствия под сенью монархического правления, явить миру блаженство небесного Царства. Чистилище служит изображением перехода из анархии к спокойствию общественному.

Издание «Божественной комедии» из библиотеки Тюменцева замечательно еще и тем, что содержит параллельный текст сочинения Данте на итальянском языке, а также примечания и 31 иллюст-

¹ Подробнее о статье Д.Н. Струкова см. в монографии А.А. Асояна [28].

рацию – линейные гравюры английского художника Дж. Флаксмана, прославившегося иллюстрациями к Гомеру, Эсхилу, Данте.

Более широко в книжном собрании Тюменцева представлены издания сочинений западноевропейских авторов XVII в. Прежде всего следует назвать поэму «Потерянный рай» Дж. Мильтона, «первого», как указывает Ю.Д. Левин, «английского поэта, получившего известность и переведившегося в России» [29]. Книга выпущена в Санкт-Петербурге в 1871 г. издателями Н.П. Кораблевым и М.Н. Сирыковым, отпечатана в типографии В. Нусвальта. В руках Тюменцева оказалось издание пятого по счету перевода поэмы Мильтона, принадлежащего С.И. Писареву. Множество переводов «Потерянного рая», сделанных преимущественно в XIX в., свидетельствуют о необычайной популярности в России этого сочинения, ставящего на материале библейской легенды важнейшие вопросы бытия, человека и общества, их развития.

Переводу Писарева предшествовали три перевода, созданные в XVIII в.: А.Г. Строганова (1745 г.), префекта Московской академии Амвросия (Серебренникова) (1785 г.) и Ф.А. Загорского (1795). Все они были сделаны прозой, первые два переводились не с оригинала, а через текст-посредник (с французского перевода 1729 г. Н.-Ф. Дюпре де Сен-Мора). Первый перевод с подлинника был выполнен Загорским, но он тоже был прозаическим. Первый стихотворный перевод «Потерянного рая» появился в России только в конце 1850-х гг., он принадлежит поэтессе Е.А. Жадовской. Этот перевод, представляющий собой неполный стихотворный пересказ более ранних прозаических переводов Ф.А. Загорского и Е.П. Люценко¹, был подвергнут резкой критике со стороны Н.А. Добролюбова. «Перевод с прозы г-жи Жадовской – безобразнейшая спекуляция, какую только можно себе представить!.. Тут все есть – и безграмотность, и бездарность, и прямой обман <...> Наши замечания имеют вот какой смысл: зачем г-жа Жадовская выдрала из поэмы Мильтона отрывки, и отрывки далеко не лучшие, зачем перевела их на плохие стихи со старой русской прозы, зачем перепутала даже и то, что сама выбрала, а главное – зачем свои вирши издала под названием поэмы Мильтона “Потерянный рай?”», – писал критик [31]. Из шести переводов, последовавших за переводом Жадовской (до конца XIX в.),

¹ Об этом см.: [30].

только два были выполнены с английского языка – профессором Московского университета А.З. Зиновьевым (1861 г.) и С.И. Писаревым, и только один из этих двух – стихами. Это перевод С.И. Писарева, который и обнаруживаем в библиотеке Тюменцева.

Данная книга также содержит некоторые читательские пометы владельца. В частности, в «Биографии Мильтона», написанной Писаревым и открывающей издание, в главах III, IV, VI (на с. XXII, XXXV, LXVIII, LXIX) имеются подчеркивания (черными чернилами), отражающие интерес Тюменцева к сочинениям английского автора, содержащим его общественно-политические и тесно связанные с ними религиозно-философские взгляды:

С. XXII. В 1641 г. вспыхнуло восстание против епископов. Мильтон принял в нем энергическое участие и напечатал Трактат о Реформации¹, где защищал диссидентов, стоявших, по его мнению <...> ниже пресвитериан по учености и красноречию.

С. XXXV. Особенно замечательны письма «О гонении протестантов в Пьемонте», которых нельзя читать без волнения. Мильтон глубоко чувствовал притеснения протестантов.

На с. LXVIII–LXIX на поле отчеркнут карандашом большой фрагмент (данный в переводе Писарева) из политического трактата Мильтона «Defensio secunda», знаменитой «Второй защиты» (1654), которая, как известно, появилась как ответ противникам его «первой защиты» – «Защиты английского народа». Тюменцевым отмечен приведенный во Введении отрывок, воспевающий Кромвеля, который отверг титул короля и избрал себе «титул Протектора, т.е. покровителя отечества».

Подчеркивания в тексте и несколько отчеркиваний на полях (карандашом, чернилами) находим и в Песнях – I, II, VI, IX:

С. 2. Терзаем завистью, мщеньем прельстил он
Обманом Праматерь людей, в виде змея!
Когда он за гордость низринут был с неба.

¹ Имеется в виду «Трактат о Реформации в Англии и причинах, задержавших ее».

- С. 39. В себе сознавая достаточно силы,
Мы будем страшить нападением небо,
Всегда угрожая величию Престола.
- С. 50. Любимые дети Всесильного Бога
Низвержены будут, как мы, в эту пропасть,
И с нами разделят жестокою участь.
Рожденье свое проклиная они будут,
Оплакивать вечно погибшее счастье.
Подумайте, боги, должны ль мы решиться
Исполнить намеренье важное это...
- С. 191. Подходим мы ближе и видим лес копий,
Блестящих щитов их и множество шлемов,
Украшенных разным мишурным убранством,
Как буря неслися, сплошными рядами
Войска Сатаны; они думали в день тот
Иль силой оружия, иль натиском быстрым,
Взять гору святую; – на трон Всеблагого,
Возвысить завистника славы Господней.
- С. 316. Так, зная печальный исход преступления,
Не быв и обманут, но лишь очарован
Нежнейшею лаской прекрасной супруги,
Адам, как в безумье, берет и вкушает!
Земля тогда вновь потряслась в основаньи,
С глубокою скорбью вздохнула природа,
Померк и весь воздух, тяжелые капли
Закапали, жалости будто бы слезы,
□ Уныло и гром загремел в отдаленьи;
Как бы сострадало всё мирозданье.

Как видим, читателем отмечены кульминационные, с его точки зрения, моменты сюжета поэмы – совращение Евы низвергнутым из Рая Сатаной, начало войны на небесах, грехопадение Адама.

Томскому книголюби принадлежала и книга, в которую вошли 19 комедий французского драматурга XVII в. Ж.-Б. Мольера – «Собрание сочинений Мольера. 19 пьес с иллюстрациями (копиями с гравюр) Эдмонда Гедуэна, Луи Лелуа и других французских художников». Издание вышло «под редакцией» цензора С.С. Трубачева, в Санкт-Петербурге, отпечатано оно было в типографии братьев Г.Ф. и П.Ф. Пантелеевых в 1899 г. в виде иллюстрированного бесплатного приложения к «Вестнику иностранной литературы». Книга

содержала статью о биографии Мольера и все его наиболее известные комедии.

Часть из них, в основном одноактные пьесы или комедии-балеты, составлявшие фарсовый репертуар труппы Мольера, представлены в издании в виде анонимных пересказов: «Ревность Барбулье», «Летающий доктор», «Дон Гарсия Наваррский, или Ревнивый принц: Героическая комедия», «Докучные: Комедия-балет», «Критика на “Школу жен”», «Версальский экспромт», «Брак по неволе: Балет», «Принцесса Элидская: Комедия-балет», «Любовь-исцелительница: Комедия-балет», «Мелисерта: Героическая пастораль», «Комическая пастораль», «Сицилиец или Любовь-художница: Комедия-балет», «Великодушные любовники: Комедия-балет», «Психея: Трагедия-балет», «Графиня Д’Эскарбаньяс».

Ряд стихотворных комедий французского автора вошли в книгу в виде прозаических переводов, например: написанные в стиле итальянской литературной комедии пятиактные пьесы «Взбалмошный или Все невпопад» – имя переводчика не указано, «Любовная досада» – перевод А.В. Швырова, комедия-фарс «Сганарель, или Мнимый рогоносец» – перевод М.А. Орлова, «Мизантроп» – перевод М.И. Полтавского. Остальные представлены стихотворными переводами, выполненными известными поэтами и переводчиками. Так, знаменитая комедия Мольера «Школа мужей» в рассматриваемое издание вошла в стихотворном переводе поэта, литературного и театрального критика А.А. Григорьева. Не менее известные комедии в стихах «Школа жен», «Дон Жуан», «Тартюф», «Скупой», «Мещанин во дворянстве» опубликованы в стихотворном переводе поэта, драматурга, талантливого переводчика В.С. Лихачева. В книгу вошли также переводы комедий Мольера, выполненные поэтом Д.Д. Минаевым: «Амфитрион», «Ученые женщины», известным переводчиком В.Л. Ранцовым: «Доктор поневоле», «Жорж Данден или Пристыженный муж»; поэтом-переводчиком П.И. Вейнбергом: «Г.-де-Пурсоньях», «Мнимый больной»; филологом-славистом, доктором славянской филологии А.Л. Погодиным: «Проделки Скапена». Книга, как видим, содержит не только все значимые пьесы Мольера, отражавшие развитие его творчества, но и богатую палитру видов русского художественного перевода и русских переводчиков конца XIX в., в частности переводчиков Мольера.

Из сочинений западноевропейской художественной литературы эпохи Просвещения, имеющих в библиотеке Тюменцева, назовем в первую очередь седьмой том «Собрания сочинений Шиллера в переводах русских писателей, изданных под редакцию Ник. Вас. Гербеля» в Санкт-Петербурге в типографии Императорской Академии наук в 1864 г. Н.В. Гербель, поэт-переводчик, издатель, редактор, литературовед и библиограф, в конце 1850-х – 1860-е гг. предпринял ряд изданий лучших зарубежных поэтов в русских переводах, таких как Шекспир, Байрон, Гете. В 1857–1861 гг. в рамках этого проекта было опубликовано «Собрание сочинений Шиллера в переводах русских писателей».

Ю.Д. Левин, подробно рассмотревший историю подготовки и публикации этого издания, ставшего «первым редакционно-издательским опытом Гербеля», открывшим реализацию его масштабного замысла, отмечал, что обращение именно к Шиллеру было не случайным. «Немецкий поэт, великий гуманист, неутомимый проповедник идеалов истины, добра и свободы» стал к этому времени «неотъемлемой частью русской духовной жизни» [32]. Для этого издания, по утверждению исследователя, Гербель начал собирать сочинения Шиллера еще в 1853–1854 гг. Задуманное сначала в двух томах, включавших в себя 260 стихотворений, переведенных 49 переводчиками (более половины переводов были сделаны по заказу Гербеля специально для этого издания, многие стихотворения Шиллера были представлены в нескольких переводах), Собрание сочинений Шиллера разрослось до девяти томов, вобрав в себя драматические и исторические произведения немецкого поэта. Выход в свет этого Собрания сочинений, по оценкам современников, явился событием в культурной жизни России¹. Впоследствии Собрание сочинений Шиллера под редакцией Гербеля переиздавалось с дополнениями шесть раз (6-е и 7-е издания вышли после смерти редактора).

В коллекции Тюменцева находится один из томов 3-го издания этого собрания. Здесь опубликован исторический труд Шиллера

¹ См., например, рецензию М.Л. Михайлова «Шиллер в переводе русских писателей, изданный под редакцию Н.В. Гербеля, т. I–IV, СПб. 1859 г.» [33]. Позднее Михайлов написал рецензию и на следующие два тома (см.: [34]). См. также рецензию Н.Г. Чернышевского [19. 1857. № 1]. Н.А. Добролюбым, также приветствовавшим «полезное предприятие г. Гербеля», были написаны 3 рецензии на отдельные тома издания [19. 1857. № 12; 1858. № 7, 12].

«История тридцатилетней войны» (1791) в переводе Н.В. Гербеля. Сочинение посвящено военному конфликту, название которого вынесено в заглавие произведения, его последствиям для Германии и Европы и отражает шиллеровские принципы историографии.

В предисловии «От издателя» перевод квалифицируется как «действительно полный, т.е. в нем не опущено ни одной строки и не изменено ни одного слова» [35. С. V]. Далее Гербель вписывает свой перевод в контекст русской переводческой рецепции этого сочинения, давая высокую оценку первому переводу «Истории...» Шиллера, изданному в 1815 г.: «Перевод этот, несмотря на устарелость... замечателен по своей верности» [35. С. V] и называя вышедшие после него переводы двух отрывков, принадлежащих баронессе Ю. фон Иксуль («Покорение Магдебурга» 1859 г. и «Характеристические очерки Валленштейна» 1860 г.).

Тюменцев владел также изданием пьесы глубокого философско-теологического содержания «Натан Мудрый. Драматическое стихотворение» крупнейшего немецкого писателя-просветителя Г.Э. Лессинга, которого Н.Г. Чернышевский в своем труде «Лессинг, его время, жизнь и деятельность» называл «отцом новой немецкой литературы» [36]. Книга отпечатана в Санкт-Петербурге в 1875 г. в типографии М. Стасюлевича. Она содержит перевод сочинения Лессинга, выполненный с немецкого языка известным драматургом В.А. Крыловым, а также составленные им исторический очерк «Лессинг и его драматическое стихотворение “Натан Мудрый”», примечания к тексту перевода и Библиографический указатель к драматическому стихотворению Лессинга «Натан Мудрый». По указанию Крылова, это «был первый и до сих пор единственный перевод произведения, занимающего одно из самых почетных мест в немецкой литературе» [37. С. 1]. Первоначально он был опубликован в 1868 г. в «Вестнике Европы», но поскольку критика не обратила должного внимания на этот перевод, Крылов решил перепечатать его в особом издании, «дополнив пояснениями и историческим очерком» [37. С. 2].

Кроме того, в книжном собрании томского библиофила хранится том IX Полного собрания сочинений Ж.-Ж. Руссо на французском языке, вышедшего в Париже в 13 томах в акционерном обществе по изданию, распространению книг и периодической печати «Ашетт и К°» (Librairie Hachette et C°) в 1902–1905 гг. Том содержит продол-

жение и окончание романа Руссо «Les confessions» («Исповедь»), «Rousseau juge de Jean-Jacque» («Руссо – судья Жан-Жака») и «Les reveries du promeneur solitaire» («Прогулки одинокого мечтателя») – в последнем произведении имеются читательские пометы Тюменцева. «Прогулки...», как известно, не были завершены Руссо (1776–1778), они представляют собой автобиографическую прозу, встающую в ряд с «Исповедью» и «Диалогами. Руссо – судья Жан-Жака». Сочинение разделено на 10 глав-прогулок (10-я не закончена). В них собраны описания отдельных моментов жизни автора, достопримечательностей, которые он видел во время своих прогулок. Это – тексты глубочайшего авторского самоанализа. Книгу очень трудно читать без знания биографии писателя. Исследователи отмечают, что наиболее внятные мысли и рассуждения начинаются только в четвертой прогулке.

Пометы Тюменцева находим в 5-й и 7-й прогулках (начиная с 9-й прогулки страницы книги не разрезаны¹). В пятой прогулке описано пребывание Руссо на острове Сен-Пьер, посреди Бьенского озера. Пребывание на нем он называет самым счастливым временем своей жизни. Более всего писатель ценит свое уединение. Приведем пометы Тюменцева:

Quand le lac agité ne me permettoit pas la navigation, je passais mon après-midi à parcourir l'île en herborisant à droite et à gauche m'asseyant tantôt dans les réduits les plus riens et les plus solitaires pour y rêver à mon aise, tantôt sur les terrasses et les tertres, pour parcourir des yeux le superbe et ravissant coup d'œil du lac et de ses rivages couronnés d'un côté par des montagnes prochaines et de l'autre élargis en riches et fertiles plaines, dans lesquelles la vue s'étendoit jusqu'aux montagnes bleuâtres plus éloignées qui la bornaient.

Quand le soir approchoit je descendais des cimes de l'île et j'allois volontiers m'asseoir au bord du lac sur la grève dans quelque asile caché ; là le bruit des vagues et l'agitation de l'eau fixant mes sens et chassant de mon ame toute autre agitation la plongeoiient dans une rêverie délicieuse où la nuit me surprénoit souvent sans que je m'en fusse aperçu. Le flux et reflux de cette eau, son bruit continu mais renflé par intervalles frappant sans relâche mon oreille et mes yeux, suppléoiient aux mouvemens internes que la rêverie éteignoit en moi et suffisoient

¹ Не разрезаны и страницы, где напечатано «Ecrit en forme de circulaires».

pour me faire sentir avec plaisir mon existence sans prendre la peine de penser. De tems à autre naissoit quelque faible et courte réflexion sur l'instabilité des choses de ce monde dont la surface des eaux m'offroit l'image : mais bientôt ces impressions légères s'effaçoient dans l'uniformité du mouvement continu qui me berçoit, et qui sans aucun concours actif de mon ame ne laissoit pas de m'attacher au point qu'appelé par l'heure et par le signal convenu je ne pouvois m'arracher de là sans effort.

Après le souper, quand la soirée étoit belle, nous allions encore tous ensemble faire quelque tour de promenade sur la terrasse pour y respirer l'air du lac et la fraîcheur. On se repositoit dans le pavillon, on riait, on causoit on chantoit quelque vieille chanson qui valoit bien le tortillage moderne, et enfin l'on s'alloit coucher content de sa journée et n'en desirant qu'une semblable pour le lendemain.

Telle est, laissant à part les visites imprévues et importunes, la maniere dont j'ai passé mon tems dans cette île durant le séjour que j'y ai fait Qu'on me dise à présent ce qu'il y a là d'assez attrayant pour exciter dans mon cœur des regrets si vifs, si tendres et si durables qu'au bout de quinze ans il m'est impossible de songer à cette habitation chérie sans m'y sentir à chaque fois transporté encore par les élans du desir.

Множество подчеркиваний сделано в поэтическом описании прогулки по острову, которая позволяла автору, находящемуся в полном одиночестве, насладиться спокойствием, возможностью мечтать, любоваться восхитительным видом озера и его берегов, с удовольствием ощущать свое существование. Кроме того, на полях книги, напротив приведенного выше фрагмента, читателем сделан ряд записей. Например, напротив первого абзаца – *f<igure> moderne*; напротив второго столбиком – *sens morale, général, du sans qu'il vit* и справа: *adolescence, de temps en temps*; напротив третьего – *s'est ne pas savoir le temps*; напротив четвертого столбиком – *sens, général, movement*.

В седьмой прогулке Руссо рассуждает о своих занятиях ботаникой, об открывшемся в нем интересе к внешнему миру. В духе своей любимой идеи противопоставления природы цивилизации он пишет о минералах, спрятанных в недрах земли и потому не искушающих жадность человека, и о том, как будучи обнаруженными людьми, природные ископаемые приносят в общество подневольный труд, превращая людей в циклопов,

перестающих замечать красоту природы. Даже в научных подходах к природе автор склонен видеть более удовлетворение человеческих амбиций, чем стремление к настоящим открытиям. Яркие цветы, пестрота лугов, свежая тень и ручьи предназначены для другого – для одухотворения человека, для оживления «мертвой души». В связи с этим Руссо воспеваёт ботанику как занятие, которое может сделать человека счастливым, освободив его от страстей и погрузив в чистое созерцание природы. В этом фрагменте Тюменцевым сделано множество помет:

Fuyant les hommes, cherchant la solitude, n'imaginant plus, pensant encore moins, et cependant doué d'un tempérament vif qui m'éloigne de l'apathie languissante et mélancolique, je commençai de m'occuper, de tout ce qui m'entourait, et par un instinct fort naturel je donnai la préférence aux objets les plus agréables. Le règne minéral n'a rien en soi d'aimable et d'attrayant ; ses richesses enfermées dans le sein de la terre semblent avoir été éloignées des regards des hommes pour ne pas tenter leur cupidité. Elles sont là comme en réserve pour servir un jour de supplément aux véritables richesses qui sont plus à sa portée et dont il perd le goût à mesure qu'il se corrompt. Alors il faut qu'il appelle l'industrie, la peine et le travail au secours de ses miseres ; il fouille les entrailles de la terre, il va chercher dans son centre aux risques de sa vie et aux dépens de sa santé des biens imaginaires à la place des biens réels qu'elle lui offroit d'elle-même quand il savoit en jouir. Il fuit le soleil et le jour qu'il n'est plus digne de voir ; il s'enterre tout vivant et fait bien, ne méritant plus de vivre à la lumière du jour. Là, des carrières des gouffres, des forges, des fourneaux, un appareil d'enclumes, de marteaux de fumée et de feu succèdent aux douces images des travaux champêtres. Les visages hâves des malheureux qui languissent dans les infectes vapeurs des mines, de noirs forgerons, de hideux cyclopes sont le spectacle que l'appareil des mines substitue au sein de la terre, à celui de la verdure et des fleurs, du ciel azuré, des bergers amoureux et des laboureurs robustes sur sa surface.

Il est aisé, je l'avoue, d'aller ramassant du sable et des pierres, d'en remplir ses poches et son cabinet et de se donner avec cela les airs d'un naturaliste : mais ceux qui s'attachent et se bornent à ces sortes de collections sont pour l'ordinaire de riches ignorans qui ne cherchent à cela que le plaisir de l'étalage. Pour profiter dans l'étude des minéraux, il faut être chimiste et physicien ; il faut faire des expériences pénibles et coûteuses,

travailler dans des laboratoires, dépenser beaucoup d'argent et de tems parmi le charbon, les creusets, les fourneaux, les cornues, dans la fumée et les vapeurs étouffantes, toujours au risque de sa vie et souvent aux dépens de sa santé. De tout ce triste et fatigant travail résulte pour l'ordinaire beaucoup moins de savoir que d'orgueil, et où est le plus médiocre chimiste qui ne crove pas avoir pénétré toutes les grandes opérations de la nature pour avoir trouvé, par hasard peut-être, quelques petites combinaisons de l'art ?

Le regne animal est plus à notre portée et certainement mérite encore mieux d'être étudié. <...> Comment observer, disséquer, étudier, connoître les oiseaux dans les airs, les poissons dans les eaux les quadrupèdes plus légers que le vent, plus forts que l'homme et qui ne sont pas plus disposés à venir s'offrir à mes recherches que moi de courir après eux pour les y soumettre de force ? J'aurois donc pour ressource des escargots, des vers, des mouches, et je passerois ma vie à me mettre hors d'haleine pour courir après des papillons, à empaler de pauvres insectes, à disséquer des souris quand j'en pourrois prendre ou les charognes des bêtes que par hasard je trouverois mortes. L'étude des animaux n'est rien sans l'anatomie, c'est par elle qu'on apprend à les classer, à distinguer les genres, les espèces. Pour les étudier par leurs mœurs, par leurs caractères, il faudroit avoir des volières, des viviers, des ménageries il faudroit les contraindre en quelque maniere que ce pût être à rester rassemblés autour de moi. <...> Quel appareil affreux qu'un amphithéâtre anatomique, des cadavres puans, de baveuses et livides chairs, du sang des intestins dégoûtans, des squelettes affreux, des vapeurs pestilentielles ! Ce n'est pas là, sur ma parole, que Jean-Jacques ira chercher ses amusemens.

Brillantes fleurs, émail des prés, ombrages froids, ruisseaux, bosquets, verdure venez purifier mon imagination salie par tous ces hideux objets. Mon ame morte à tous les grands mouvemens ne peut plus s'affecter que par des objets sensibles ; je n'ai plus que des sensations, et ce n'est plus que par elles que la peine ou le plaisir peuvent m'atteindre ici-bas. Attiré par les riens objets qui m'entourent, je les considère, je les contemple, je les compare, j'apprends enfin à les classer et me voilà tout d'un coup aussi botaniste qu'a besoin de l'être celui qui ne veut étudier la nature que pour trouver sans cesse de nouvelles raisons de l'aimer.

<...> Mais je cherche à me donner des amusemens doux et simples que je puisse ajouter sans peine et qui me distroient de mes malheurs. Je n'ai ni dépense à faire ni peine à prendre pour errer nonchalamment d'herbe en herbe, de plante en plante, pour les examiner, pour comparer

leurs divers caractères, pour marquer leurs rapports et leurs différences, enfin pour observer l'organisation végétale de manière à suivre la marche et le jeu des machines vivantes, à chercher quelquefois avec succès leurs lois générales, la raison et la fin de leurs structures diverses, et à me livrer au charme de l'admiration reconnaissante pour la main qui me fait jouir de tout cela.

<...> Les plantes y sont naturellement. Elles naissent sous nos pieds et dans nos mains pour ainsi dire, et si la petitesse de leurs parties essentielles les dérobe quelquefois à la simple vue, les instrumens qui les y rendent sont d'un beaucoup plus facile usage que ceux de l'astronomie. La botanique est l'étude d'un oisif et paresseux solitaire : une pointe et une loupe sont tout l'appareil dont il a besoin pour les observer. Il se promène, il erre librement d'un objet à l'autre, il fait la revue de chaque fleur avec intérêt et curiosité, et sitôt qu'il commence à saisir les lois de leur structure il goûte à les observer un plaisir sans peine aussi vif que s'il lui en coûtait beaucoup. Il y a dans cette oiseuse occupation un charme qu'on ne sent que dans le plein calme des passions mais qui suffit seul alors pour rendre la vie heureuse et douce ; mais sitôt qu'on y mêle un motif d'intérêt ou de vanité, soit pour remplir des places ou pour faire des livres, sitôt qu'on ne veut apprendre que pour instruire, qu'on n'herborise que pour devenir auteur ou professeur, tout ce doux charme s'évanouit, on ne voit plus dans les plantes que des instrumens de nos passions, <...>. De-là les haines, les jalousies, que la concurrence de célébrité excite chez les botanistes auteurs autant et plus que chez les autres savans. <...>

<...> Il me semble que sous les ombrages d'une forêt je suis oublié, libre et paisible comme si je n'avois plus d'ennemis ou que le feuillage des bois dût me garantir de leurs atteintes comme il les éloigne de mon souvenir, et je m'imagine dans ma bêtise qu'en ne pensant point à eux ils ne penseront point à moi. Je trouve une si grande douceur dans cette illusion que je m'y livrerais tout entier si ma situation, ma foiblesse et mes besoins me le permettaient. Plus la solitude où je vis alors est profonde, plus il faut que quelque objet en remplisse le vide, et ceux que mon imagination me refuse ou que ma mémoire repousse sont suppléés par les productions spontanées que la terre, non forcée par les hommes, offre à mes yeux de toutes parts. Le plaisir d'aller dans un désert chercher de nouvelles plantes couvre celui d'échapper à mes persécuteurs et, parvenu dans des lieux où je ne vois nulles traces d'hommes, je respire plus à mon aise comme dans un asile où leur haine ne me poursuit plus.

И в следующих далее описаниях ботанических экскурсий к горе Робела, по берегу Изера и др., во время которых автором было сделано множество настоящих открытий (речь идет об увиденных растениях, животных, услышанных звуках, смутных и противоречивых чувствах и ощущениях и т.п.), также находим большое количество подчеркиваний:

Je me rappellerai toute ma vie une herborisation que je fis un jour du côté de la Robailan, montagne du justicier Clerc. J'étois seul, je m'enfonçai dans les anfractuosités de la montagne, & de bois en bois, de roche en roche, je parvins à un réduit si caché que je n'ai vu de ma vie un aspect plus sauvage. De noirs sapins entremêlés de hêtres prodigieux dont plusieurs tombés de vieillesse & entrelacés les uns dans les autres fermoient ce réduit de barrières impénétrables, quelques intervalles que laissoit cette sombre enceinte n'offroient au-delà que des roches coupées à pic & d'horribles précipices que je n'osais regarder qu'en me couchant sur le ventre. Le duc la chevéche & l'orfraie faisoient entendre leurs cris dans les fentes de la montagne, quelques petits oiseaux rares mais familiers tempéroient cependant l'horreur de cette solitude. Là je trouvai la Dentaire héptaphyllos, le Cyclamen, le Nidus avis, le grand Laserpitium & quelques autres plantes qui me charmerent & m'amuserent long-tems. Mais insensiblement dominé par la forte impression des objets, j'oubliai la botanique & les plantes, je m'assis sur des oreillers de Lycopodium & de mousses, & je me mis à rêver plus à mon aise en pensant que j'étois là dans un refuge ignoré de tout l'univers où les persécuteurs ne me déteroient pas. Un mouvement d'orgueil se mêla bientôt à cette rêverie. Je me comparois à ces grands voyageurs qui découvrent une île déserte, & je me disais avec complaisance : Sans doute je suis le premier mortel qui oit pénétré jusqu'ici ; je me regardais presque comme un autre Colomb. Tandis que je me pavanois dans cette idée, j'entendis peu loin de moi un certain cliquetis que je crus reconnoître ; j'écoute : le même bruit se répète & se multiplie. Surpris & curieux je me leve, je perce à travers un fourré de broussailles du côté d'où venoit le bruit, & dans une combe à vingt pas du lieu même où je croyois être parvenu le premier j'aperçois une manufacture de bas.

Je ne saurois exprimer l'agitation confuse & contradictoire que je sentis dans mon cœur à cette découverte. Mon premier mouvement fut un sentiment de joie de me retrouver parmi des humains où je m'étois cru totalement seul. Mais ce mouvement plus rapide que l'éclair, fit bientôt place à un sentiment douloureux plus durable, comme ne pouvant

dans les antres mêmes des Alpes échapper aux cruelles mains des hommes, acharnés à me tourmenter. Car j'étois bien sûr qu'il n'y avoit peut-être pas deux hommes dans cette fabrique qui se fussent initiés dans le complot dont le prédicant Montmollin s'étoit fait le chef, & qui tiroit de plus loin ses premiers mobiles. Je me hâtai d'écarter cette triste idée & je finis par rire en moi-même & de ma vanité puérile & de la maniere comique dont j'en avois été puni.

Mais en effet qui jamais eût dû s'attendre à trouver une manufacture dans un précipice ! Il n'y que la Suisse au monde qui présente ce mélange de la nature sauvage & de l'industrie humaine. La Suisse entiere n'est pour ainsi dire qu'une grande ville dont les rues, larges & longues plus que celle de Saint-Antoine, sont semées de forêts, coupées de montagnes, & dont les maisons éparses & isolées ne communiquent entre elles que par des jardins anglais. Je me rappelai à ce sujet une autre herborisation que du Peyrou, d'Escherny, le colonel Pury, le justicier Clerc & moi avions faite il y avoit quelque tems sur la montagne de Chasseron, du sommet de laquelle on découvre sept lacs. On nous dit qu'il n'y avoit qu'une seule maison sur cette montagne, & nous n'eussions sûrement pas deviné la profession de celui qui l'habitoit si l'on n'eût ajouté que c'étoit un libraire, & qui même faisoit fort bien ses affaires dans le pays. Il me semble qu'un seul fait de cette espèce fait mieux connoître la Suisse que toutes les descriptions des voyageurs.

En voici un autre de même nature ou à peu près qui ne fait pas moins connoître un peuple fort différent. Durant mon séjour à Grenoble je faisais souvent de petites herborisations hors de la ville avec le sieur Bovier avocat de ce pays-là, non pas qu'il aimât ni sût la botanique, mais parce que s'étant fait mon garde de la manche, il se faisoit, autant que la chose étoit possible, une loi de ne pas me quitter d'un pas. <...> Je vis sur ces arbrisseaux des fruits mûrs j'eus la curiosité d'en goûter et, leur trouvant une petite acidité très-agréable, je me mis à manger de ces grains pour me rafraîchir ; le sieur Bovier se tenoit à côté de moi sans m'imiter & sans rien dire. Un de ses amis survint, qui me voyant picorer ces grains me dit : eh ! monsieur, que faites-vous là ? Ignorez-vous que ce fruit empoisonne ? <...>

Je regardai le sieur Bovier & je lui dis : “Pourquoi donc ne m'avertissiez-vous pas ? – Ah ! monsieur me répondit-il d'un ton respectueux, je n'osais pas prendre cette liberté”. Je me mis à rire de cette humilité dauphinoise, en discontinuant néanmoins ma petite collation. J'étois persuadé, comme je le suis encore, que toute production naturelle agréable au goût ne peut être nuisible au corps ou ne l'est du moins que

par son excès. Cependant j'avoue que je m'écoutai un peu tout le reste de la journée : mais j'en fus quitte pour un peu d'inquiétude, je soupai très-bien, dormis mieux, & me levai le matin en parfaite santé, après avoir avalé la veille quinze ou vingt grains de ce terrible Hippophage, qui empoisonne à très-petite dose, à ce que tout le monde me dit à Grenoble le lendemain. Cette aventure me parut si plaisante que je ne me la rappelle jamais sans rire de la singulière discretion de M. l'avocat Bovier. Toutes mes courses de botanique, les diverses impressions du local, des objets qui m'ont frappé, les idées qu'il m'a fait naître, les incidents qui s'y sont mêlés, tout cela m'a laissé des impressions qui se renouvellent par l'aspect des plantes herborisées dans ces mêmes lieux. <...> je ne peux plus courir ces heureuses contrées je n'ai qu'à ouvrir mon herbier & bientôt il m'y transporte. <...> Cet herbier est pour moi un journal d'herborisations qui me les fait recommencer avec un nouveau charme & produit l'effet d'un optique qui les peindroit derechef à mes yeux.

C'est la chaîne des idées accessoires qui m'attache à la botanique. Elle rassemble & rappelle à mon imagination toutes les idées qui la flattent davantage.

Напротив этих фрагментов на полях тоже сделан ряд записей: dans les mélancolique, i.<dée> progrès, i.<dée> figuré, hour l'habitude, ce qu'on voit être affecté, philosophie, i.<dée> technique, i.<dée> primitive, i.<dée> modern, analogie, i.<dée> forte, au moment même, s'est l'image и др.

Зарубежная литература XIX в. представлена в библиотеке Тюменцева несколькими изданиями, отражающими саму логику развития европейской словесности от 1810-х к 1880-м гг. Во-первых, это роман великого романтика В. Скотта «Эдинбургская темница, или Сердце средняго лотиана», написанный в 1818 г. и входящий в группу шотландских романов, рассказывающих об истории слияния Англии и Шотландии в объединенное королевство. Книга издана в Санкт-Петербурге в 1876 г. (типография В.П. Воленса). Этот перевод романа вышел спустя несколько десятилетий после первого перевода, выполненного А.П. Зонтаг (1825 г.). Кроме 58 политипажей в тексте романа, она содержит гравюры двух картин.

Во-вторых, это роман одного из самых популярных в мире французских прозаиков периода позднего романтизма – А. Дюма-отца – «Полина». Тюменцеву принадлежало прижизненное переводное издание этого сочинения, один из самых первых переводов Дю-

ма на русский язык, выполненный Е. Байбузенковым. Книга отпечатана в Санкт-петербургской типографии А. Сычева в 1839 г.

Кроме того, Тюменцев владел парижским изданием 1855 г. поэмы Г. Гейне «Германия» на французском языке: «De L'Allemagne par Henri Heine. Nouvelle édition. Entièrement revue et considérablement augmentée» (Tome premier – deuxième. Paris. Michel Lévy Frères, Éditeurs). Это было последнее прижизненное издание поэмы поэта, который умер в феврале 1856 г. в Париже. Открывается эта книга предисловием, перепечатанным из первого издания произведения, вышедшего в свет в 1835 г.

Отметим еще несколько изданий зарубежной литературы XIX в. на иностранных языках из библиотеки Тюменцева. Среди них 31-е издание сборника новелл Ги де Мопассана «Господин Паран» на французском языке (Monsieur Parent, первое издание – 1886 г.), оно вышло в Париже в 1899 г. в издательстве П. Оллендорфа (Librairie Paul Ollendorff). В сборник, кроме одноименной с его заглавием новеллы, вошли такие произведения французского писателя, как «A Vendre», «L'inconnue», «La confidence», «L'Épingle», «Solitude» и др. Тюменцев был владельцем и немецкого издания комедии, описывающей еврейскую среду столицы Германии, «Der junge Goldner» немецкого драматурга рубежа XIX–XX вв., последователя Г. Гауптмана – Г. Гиршфельда. Книга вышла в Берлине в 1901 г. в издательстве С. Фишера (S. Fischer Verlag)¹.

Завершает подборку издание «новой драмы» 1882 г. «Враг народа (Доктор Штокман)» Г. Ибсена – на русском языке. Книга вышла в

¹ Одним из ранних изданий XIX в. на иностранном языке, принадлежавших Тюменцеву, является знаменитый сборник сербских песен сербского филолога, собирателя сербского фольклора, доктора философии, члена Санкт-Петербургского Вольного общества любителей русской словесности и Краковского ученого общества Вука Стефановича Караджича – «Народне српске пјесме, скупио и и на свијет издао Вук Стеф. Караџић» (книга отпечатана в двух томах в 1824 г., в лейпцигской типографии Брейткопфа и Эртла – «У Липисци, у штампарији Брейткопфа и Ертла»), с которым, как известно, работал как переводчик А.С. Пушкин. Книга содержит ряд читательских помет Тюменцева: в первой части знаками +, x, x–, а также подчеркиваниями отмечены заглавия нескольких песен: из первого раздела «Пјесме сватовске» помечена первая песня, из второго раздела «Пјесме краљичие» – 1, 9, 51, 56, 58, 60, 61, 75-я и др., во второй части карандашом отчеркнуты стихи 52–57 из первой песни «Свечи благодіјеле».

московском издательстве «Труд» С.А. Скимунта и В.А. Крандиевского в 1901 г. Отпечатана она была в типолитографии Товарищества И.Н. Кушнерев и К°. Одну из острейших в социальном отношении пьес Ибсена с центральным образом доктора Стокмана, добывающегося закрытия лечебных источников в родном городе, поскольку в них обнаружено загрязнение, с норвежского на русский язык перевела писательница, критик, историк, педагог, переводчица З.С. Иванова (литературный псевдоним Н. Минович). Ее перу, кроме переводов, принадлежит ряд статей, в том числе и биографический очерк об Ибсене.

Более широко в библиотеке Тюменцева представлена русская классика, о которой речь пойдет во второй части нашей статьи.

Литература

1. Колосова Г.И. Тюменцев Гавриил Константинович // Энциклопедия Томской области. Т. 2: Н–Я. Томск, 2009. С. 851.
2. Колосова Г.И. Библиотека Г.К. Тюменцева как книжный памятник в истории сибирской культуры // Сибирский текст в русской культуре: К 400-летию Томска и 125-летию первого университета Сибири. Томск, 2002. С. 182–184.
3. Колосова Г.И. Библиотека Г.К. Тюменцева как основа для изучения личностного и духовного становления сибирского интеллигента 2-й половины XIX – начала XX века // Библиотечное партнерство для информационного развития: материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф. Томск, 2005. С. 171–181.
4. Колосова Г.И. Специфика состава книжного собрания Г.К. Тюменцева как отражение духовных запросов сибирского интеллигента второй половины XIX – начала XX в. // Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири с древности до современности. Томск, 2004. С. 179–186.
5. Карташова Т.П. Некоторые аспекты изучения регионального книжного дела: (На примере библиотеки Г.К. Тюменцева) // Библиотечное партнерство для информационного развития: материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф. Томск, 2005. С. 181–186.
6. Айзикова И.А. Репертуар книжной продукции томских издательств конца XIX – начала XX в. (на материале библиотеки Г.К. Тюменцева) // Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.). Томск, 2014. С. 85–103.
7. Колосова Г.И. Литографированные работы П.М. Кошарова в книжном собрании Г.К. Тюменцева // Макушинские чтения: Тез. докл. науч. конф., 22–23 мая 2003 г., Новосибирск. Новосибирск, 2003. С. 96–98.
8. Колосова Г.И. «Энциклопедия сибиреведения» – книжное собрание Г.К. Тюменцева в фондах Научной библиотеки Томского университета // Вторые Макушинские чтения, 23–24 мая 1991 г., г. Томск: тез. докл. регион. науч. конф. Томск, 1991. С. 116–118.

9. *Карташова Т.П.* Томские издания в «Сборниках статей о Сибири» Г.К. Тюменцева // Сибирский текст в русской культуре: К 400-летию Томска и 125-летию первого университета Сибири. Томск, 2002. С. 185–186.
10. *Карташова Т.П.* Красноярская книга в библиотеке Г.К. Тюменцева // V Юдинские чтения, Красноярск, 9–12 окт. 2007 г.: материалы науч.-практ. конф. / сост. И.А. Шереметова; отв. ред. Т.И. Матвеева. Красноярск, 2008. С. 66–69.
11. *Карташова Т.П.* Издания П.И. Макушина в библиотеке томского краеведа Г.К. Тюменцева // Макушинские чтения: Тез. докл. науч. конф., 22–23 мая 2003 г., Новосибирск. Новосибирск, 2003. С. 99–103.
12. *Айзикова И.А.* Место учебных изданий в репертуаре книжной продукции томских издательств конца XIX в. (на материале библиотеки Г.К. Тюменцева) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2013, № 4. С. 42–54.
13. *Берков П.Н.* Русские книголюбы. М.; Л., 1967. С. 137–139.
14. *Карташова Т.П.* Библиотека Г.К. Тюменцева // Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.). Томск, 2014.
15. *Берков П.Н.* О людях и книгах. М., 1965. С. 8.
16. *Лихачев Д.С.* О русской интеллигенции: Письмо в редакцию // Новый мир. 1993, № 2. С. 4.
17. *Белинский В.Г.* «Илиада» Гомера, переведенная Н. Гнедичем // Собр. соч.: в 9 т. Т. 2: Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 – январь 1840. М., 1977.
18. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. М., 1981. С. 68.
19. Современник.
20. *Ипатов С.А.* «Как по крылам зашумят, тенетами рошу обступят...» // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. М.; СПб., 2013. Вып. 2. С. 111.
21. *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1: Статьи, рецензии, юношеские работы. Апрель 1853 – июль 1857. М.; Л., 1961.
22. *Шершеневич И.Г.* Предисловие // Энеида Virgilia. Варшава, 1868. С. 7–9.
23. *Вергилий.* Энеида / пер. Валерия Брюсова и Сергея Соловьева. М.; Л., 1933. С. 39–45.
24. *Сын отечества.*
25. *Голенищев-Кутузов И. Н.* Творчество Данте и мировая культура. М., 1971. С. 464.
26. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1953–1959.
27. *Москвитянин.* 1843. Ч. 2, № 3. С. 189.
28. *Асоян А.А.* Данте в русской культуре. [Электронный ресурс]. URL: <http://upnotices.com/book.php?id=173700&page=1> (дата обращения: 06.03.2016).
29. *Левин Ю.Д.* История русской переводной художественной литературы. СПб., 1996. Т. 2. С. 191.
30. *Третьякова Е.А.* Перевод в диахронии (на материале разновременных переводов поэмы Дж. Мильтона “Paradise lost”) // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2012. № 149. Филология. С. 89.
31. *Добролюбов Н.А.* «Потерянный рай». Поэма Иоанна Мильтона / пер. Елизаветы Жадовской // Собр. соч.: в 3 т. М., 1987. Т. 2. С. 695.
32. *Левин Ю.Д.* Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л., 1985. [Электронный ресурс]. URL: http://knigolubu.ru/russian_classic/gerbel_nv/shiller_v_perevode_russkih_pisateley.4002/ (дата обращения: 06.03.2016).

33. Михайлов М.Л. Сочинения: в 3 т. Т. 3: Критика и библиография. <Записки>. М., 1958.
34. Русская старина. 1860. № 2.
35. Собрание сочинений Шиллера в переводах русских писателей, изданных под редакцией Н.В. Гербеля. Т. 7. СПб., 1864.
36. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М., 1948. Т. 4. С. 9.
37. Натан Мудрый драматическое стихотворение Готгольда Лессинга / пер. с нем. В. Крылова с историческим очерком и примечаниями к тексту перевода. СПб., 1875.

FICTION IN THE BOOK COLLECTION OF G.K. TYUMENTSEV (ARTICLE I)

Text. Book. Publishing, 2016, 1 (10), pp. 86–116. DOI 10.17223/23062061/10/6

Ayzikova Irina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

Keywords: Siberian bibliophile; private library; G.K. tyumentsev; fiction.

The article considers the section of fiction in the private library of G.K. Tyumentsev, a bibliophile from Tomsk. Its analysis showed that Tyumentsev's library was certainly not a random collection of belles-lettres books. It is well-judged, with a good choice of books and authors. It has its own logic of compiling which primarily shows the love of the owner to publications of fiction as cultural phenomena of a certain epoch, to thoughts and feelings that the content and form of works, and books containing these works, arouse. Most likely, Tyumentsev purchased editions that he considered valuable, playing an important artistic and literary role in the development of Western and Russian literature and in his own self-education and self-development, rather than rare. for his library. It seems he collected books that he, as their owner, found interesting, pleasing and good. Meanwhile, reflecting the dialectic of the personal interests of the bibliophile and his understanding of the social significance of his bibliophile activity, Tyumentsev's collection has unique artistic and literary editions of the 19th century which today can be considered both rare and valuable; and a unique set of literary works that show Tyumentsev's (and in his face, for all the subjectivity of personal preferences, Siberia and Tomsk intelligentsia's) ideas about the history of world literature, its functions, development paths, tops and brightest phenomena.

Article I describes publications of foreign writers, from ancient ones to the owner's contemporaries (in Russian and foreign languages). In addition to the history of literature, they represent the history of Russian literary translation and reception of literature in Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. In general, editions of fiction collected by Tyumentsev open interesting and representative pages of national and European book culture of the 19th and 20th centuries in Russian, Siberian in particular, reading culture of the period.

References

1. Kolosova, G.I. (2009) Tyumentsev Gavriil Konstantinovich [G.K. Tyumentsev]. In: Mayer, G.V. et al. (eds) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti* [The Encyclopedia of Tomsk region]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. S. 851.

2. Kolosova, G.I. (2002) Biblioteka G.K. Tyumentseva kak knizhnyy pamyatnik v istorii sibirskoy kultury [G.K. Tyumentsev's Library as a book monument in the history of the Siberian culture]. In: Kazarkin, A.P. (ed.) *Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture: sb. st. K 400-letiyu Tomsk i 125-letiyu pervogo universiteta Sibiri* [The Siberian text in Russian culture]. Tomsk: Sibirika. pp. 182-184.

3. Kolosova, G.I. (2005) [G.K. Tyumentsev's library as a basis for the study of personal and spiritual formation of the Siberian intelligentsia in the late 19th – early 20th centuries]. *Bibliotchnoe partnerstvo dlya informatsionnogo razvitiya* [Library Partnership for Information Development]. Proc. of the 6th International Research and Practical Conference. Tomsk. pp. 171-181. (In Russian).

4. Kolosova, G.I. (2004) Spetsifika sostava knizhnogo sobraniya G.K. Tyumentseva kak otrazhenie dukhovnykh zaprosov sibirskogo intelligenta vtoroy poloviny XIX — nachala XX v. [Specificity of the G.K. Tyumentsev's book collection as a reflection of the spiritual needs of the Siberian intelligentsia in the late 19th – early 20th centuries]. In: Voskresenskaya, M.A. (ed.) *Faktory formirovaniya dukhovnogo mira i sotsial'nogo oblika naseleniya Zapadnoy Sibiri s drevnosti do sovremennosti* [Factors of formation of the spiritual world and the social image of the population in Western Siberia since ancient times to the present]. Tomsk: NTL. pp. 179-186.

5. Kartashova, T.P. (2005) [Some aspects of the study of the regional book business (a case study of G.K. Tyumentsev's library)]. *Bibliotchnoe partnerstvo dlya informatsionnogo razvitiya* [Library Partnership for Information Development]. Proc. of the 6th International Research and Practical Conference. Tomsk. pp. 181-186. (In Russian).

6. Aizikova, I.A. (2014) Repertuar knizhnoy produktsii tomских izdatel'stv kontsa XIX – nachala XX vv. (na materiale biblioteki G.K. Tyumentseva) [The repertoire of books publishers in Tomsk in the late 19th – early 20th centuries. (A case study of G.K. Tyumentsev's library)]. In: Esipova, B.A. & Vorobyeva, T.L. (eds) *Knizhnaya kul'tura Tomsk (XIX – nachalo XX v.)* [The book culture in Tomsk (the 19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 85-103.

7. Kolosova, G.I. (2003) [Lithographic works by P.M. Kosharov in G.K. Tyumentsev's book collection]. *Makushinskie chteniya* [The Makishin Readings]. Proc. of the Research Conference. Novosibirsk. 22–23 May 2003. Novosibirsk. pp. 96-98. (In Russian).

8. Kolosova, G.I. (1991) [The Encyclopedia of Siberian Studies – G.K. Tyumentsev's book collection in the funds of the Tomsk University Library]. *Vtorye Makushinskie chteniya* [The Second Makushin Readings]. Proc. of the Research Conference. 23–24 May 1991. Tomsk. pp. 116-118.

9. Kartashova, T.P. (2002) Tomskie izdaniya v "Sbornikakh statey o Sibiri" G. K. Tyumentseva [Tomsk editions in the "Collection of articles about Siberia" by G.K. Tyumentsev]. In: Kazarkin, A.P. (ed.) *Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture: sb. st. K 400-letiyu Tomsk i 125-letiyu pervogo universiteta Sibiri* [The Siberian text in Russian culture]. Tomsk: Sibirika. pp. 185-186.

10. Kartashova, T.P. (2008) [Krasnoyarsk books in G.K. Tyumentsev's library]. *V Yudinские chteniya* [The Fifth Yudin Readings]. Proc. of the Research Conference. Krasnoyarsk. 9–12 October 2007. Krasnoyarsk. pp. 66-69. (In Russian).

11. Kartashova, T.P. (2003) Izdaniya P.I. Makushina v biblioteke tomского kraevedа G.K. Tyumentseva [PI Makushin's editions in G.K. Tyumentsev's library]. *Makushinskie chteniya* [The Makishin Readings]. Proc. of the Research Conference. Novosibirsk. 22–23 May 2003. Novosibirsk. pp. 99-103. (In Russian).

12. Aizikova, I.A. (2013) Place of textbooks in the stock of book production by Tomsk publishing houses in late 19th century (by example of the collection of G.K. Tyumentsev). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 4. pp. 42-54. (In Russian).
13. Berkov, P.N. (1967) *Russkie knigolyuby* [Russian bibliophiles]. Moscow; Leningrad: Sov. pisatel'. pp. 137-139.
14. Kartashova, T.P. (2014) Biblioteka G.K. Tyumentseva [G.K. Tyumentsev' library]. In: Esipova, B.A. & Vorobyeva, T.L. (eds) *Knizhnaya kul'tura Tomsk (XIX – nachalo XX v.)* [The book culture in Tomsk (the 19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Berkov, P.N. (1965) *O lyudyakh i knigakh* [Of people and books]. Moscow: Kniga.
16. Likhachev, D.S. (2003) O russkoy intelligentsii. Pis'mo v redaktsiyu [On the Russian intelligentsia. A Letter to the Editor]. *Novyy mir.* 2. p. 4.
17. Belinskiy, V.G. (1977) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow.
18. Pushkin, A.S. (1981) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow. p. 68.
19. *Sovremennik.*
20. Generalova, N.P. & Lukina, V.A. (eds) *A.A. Fet: Materialy i issledovaniya* [A.A. Fet: Materials and Research]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkhao. p. 111.
21. Dobrolyubov, N.A. (1961) *Sobranie sochineniy v 9-ti t.* [Collected Works in 9 vols]. Vol. 1. Moscow; Leningrad.
22. Shershenevich, I.G. (1868) Predislovie [Preface]. In: Virgil. *Eneida* [Aeneid]. Warsaw: [s.n.]. pp. 7-9.
23. Virgil. (1933) *Eneida* [Aeneid]. Translated by V. Bryusov & S. Solovyev. Moscow; Leningrad: Academia. pp. 39-45.
24. *Syn otechestva.*
25. Golenishchev-Kutuzov, I.N. (1971) *Tvorchestvo Dante i mirovaya kul'tura* [Dante and world culture]. Moscow: Nauka.
26. Belinskiy, V.G. (1953–1959) *Polnoe sobraniye sochineniy* [Complete Collection of Works]. In 13 vols. Moscow.
27. *Moskvityanin.* (1843) 3. pp. 189.
28. Asoyan, A.A. (2015) *Dante v russkoy kul'ture* [Dante in Russian culture]. [Online] Available from: <http://unotices.com/book.php?id=173700&page=1>. (Accessed: 6th March 2016).
29. Levin, Yu.D. (1996) *Istoriya russkoy perevodnoy khudozhestvennoy literatury* [The history of Russian translated fiction]. Vol. 2. St. Petersburg: The Pushkin House.
30. Tretyakova, E.A. (2012) *Perevod v diakhronii (na materiale raznovremennykh perevodov poemy Dzh. Mil'tona "Paradise lost")* [The diachronic translation (a case study of multi-translation of J. Milton's "Paradise lost")]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science.* 149. p. 89.
31. Dobrolyubov, N.A. (1987) *Sobranie sochineniy: V 3 tt.* [Collected Works. In 3 vols]. Vol. 2. Moscow. p. 695.
32. Levin, Yu.D. (1985) *Russkie perevodchiki XIX v. i razvitie khudozhestvennogo perevoda* [Russian translators of the 19th century and the development of literary translation]. Leningrad: Nauka.

33. Mikhaylov, M.L. (1958) *Sochineniya v trekh tomakh* [Works in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

34. *Russkaya starina*. (1860) 2.

35. Schiller, F. (1864) *Sobranie sochineniy Shillera v perevodakh russkikh pisateley, izdannyykh pod redaktsiyey N.V. Gerbelya* [Schiller's Collected Works in translations of Russian writers, published under the editorship of N. Gerbel]. Vol. 7. St. Petersburg.

36. Chernyshevskiy, N.G. (1948) *Poln. sobr. soch.: V 15 tt.* [Complete Collection of Works in 15 vols]. Vol. 4. Moscow. p. 9.